

❖ РУССКАЯ ❖
ДЕМОНОЛОГИЯ

КСЕНИЯ ПОЛКОВНИКОВА

Русская Демонология

МЕРТВЕЦЫ О ЖЕЛЕЗНЫХ ЗУБАХ,
ЗМЕИ-ПРЕЛЕСТНИКИ
И КИКИМОРА КАБАЦКАЯ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 398.2(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
П51

Научный редактор:
доктор филологических наук, доцент *С. В. Аллатов*

Полковникова, Ксения Олеговна.

П51 Русская демонология. Мертвецы о железных зубах, змеи-прелестники и кикимора кабацкая / Ксения Полковникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-04-204963-7

В полуночной бане моются черти, в лесной чащобе хохочет леший, на кладбище блуждают огоньки и слышатся стоны тех, кому не ложится в гробу. НЕдобро пожаловать в страшный русский фольклор!

На страницах этой жутко-прекрасной книги вас ждет настоящая русская готика с упырями-еретниками, русалками-щекотихами и мертвыми женихами, а еще десятки по-настоящему страшных быличек и бывальщин, собранных учеными-фольклористами, и тонкий авторский юмор. Почувствовать себя героем Николая Гоголя или Василия Жуковского и познакомиться с пугающей, но такой манящей темной стороной русской мифологии приглашает Ксения Полковникова — сотрудница кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и ИМЛИ РАН, преподаватель Школы юного филолога МГУ.

Вы узнаете, чем русалки отличаются от фараонов (и при чем тут вообще фараоны), почему увидеть падающую звезду не всегда к счастью, как распознать в случайном попутчике черта и разоблачить жениха-мертвеца. Отдельная глава посвящена персонажам современного фольклора: городских легенд, интернет-фольклора, баек пионерлагерей и детских страшилок — от Пиковой дамы до гроба на колесиках. А иллюстрации современной художницы Infugia перенесут вас в темную летнюю ночь за городом и погрузят в атмосферу деревенских вечеров и страшных повестей русского романтизма.

УДК 398.2(=161.1)
ББК82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-04-204963-7

© Ксения Полковникова, текст, 2025
© Анна Жданкина (Infugia), иллюстрации и обложка, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Оглавление

Дьяволы разные	9
Глава I. В ночной избе, в черной бане	14
Не черен, не зелен, но таков, каков я	15
К добру или к худу?	21
Доможириха под полом плачѐ	27
Ах ты, гой еси, кикимора домовая	28
Стучит, гремит кикимора	34
Черный кот, старый овинник	38
Вот твоя рожа, а вот жена кожа	42
Кузьку гну, в шайку кладу	47
Глава II. В чистом поле, во темных лесах	53
Из ворот в ворота, в чистое поле	53
Колудница-болудница, съешь меня!	58
Сходитесь, лешие, большие и малые	62
Оттого я сед, что чертов дед	65

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шел, нашел, потерял.....	69
Понеси тебя леший.....	76
Ему черти коров пасут.....	82
А лешачиха красива, волосы долги.....	85
Глава III. Водяное царство.....	90
Черт с чертовкой, водяной с водяновкой.....	91
Рок есть, головы нет.....	95
Невеста болотного царя.....	103
Год от году хуже.....	107
Русалка-царица, не дай удавиться.....	111
На грязной неделе русалки сидели.....	116
Проведу русалочку в темный бор.....	120
Царь Фараон на воде потонул.....	122
Глава IV. На кладбищах и скудельницах.....	126
Кости-кости, приходите в гости.....	127
Лежит в том гробе опивец зубастый.....	131
Кровь ходит.....	138
Месяц светит, мертвый едет.....	146
Ешь свое тело, пей свою кровь.....	152
Глава V. Страшная любовь.....	161
Ночные гости.....	162
Как змей прилетит, так ее и обольстит.....	167
А может некрещеная кость к крещеной ходить?.....	177
К колдуньям вражина летает.....	185
Глава VI. Черти-бесы.....	190
Враг Сатана, отшатнись от меня.....	190

Бур черт, сер черт — все один бес.....	197
К ночи не поминай чертей.....	199
Придите сорок чертей с чертенятами.....	205
Глава VII. С чертом знающиеся.....	222
Знатоки знатливые, колдуны колдуливые.....	223
В том кусту сидит баба, сатанина угодница.....	226
Стара ведьма на дуб лезла, кору грызла.....	235
А сам в ночь волком рыскаше.....	251
Глава VIII. Облики смерти и мук телесных.....	260
На роду написано.....	261
Пришла к рабу смерть прекрасная.....	264
Бажена гостюшка Оспица Ивановна.....	274
Секи, руби смерть коровью.....	282
Голову жечь, кости ломить, сердце щипать.....	286
Сто бесов у ей животы гложут.....	292
Глава IX. Кошмары нашего двора.....	302
Страшно, очень страшно, мы не знаем, что это такое.....	302
Ужасный снежный человек и другие звери.....	305
Огненный змей или НЛО?.....	313
«Хочу мяса, хочу крови!», или Детские страшные истории.....	319
Гроб на колесиках нашел твою квартиру.....	326
У мамы были вместо ног копыта, или «Папа, ты что, черт?».....	333
Пиковая дама, приди!.....	337
Благодарности.....	345
Библиография.....	346

Дьяволы разные

Мы, озерные, речные, лесные, долинные, пустынные, подземные и наземные, великие и малые, мохнатые и голые, все друг дружке о себе знать дадим!

З. Н. Гиппиус. Песни русалок

Исполнена есть земля дивности. Неявственные бесчисленные духи населяют как освоенные человеком пространства, так и непроходимые леса и болота. Опасность подстерегает всюду: в полуночной бане моются черти, в лесной чащобе хохочет и страшно свистит леший, а в проклятом логу мерцают огни и слышатся стоны заложных покойников. Завеса между миром человеческим и потусторонним тонка, и время от времени нечистая сила проникает в наш мир, равно как человеку изредка удается побывать в ином мире, будучи похищенным и унесенным.

Рассказы о встрече с нечистой силой — самая темная, призрачная сторона фольклора, где на первый план выходит *категория мистического*. Это не просто фантазия или байка об удивительном случае, это

страшное, тревожное повествование, личное впечатление от соприкосновения с неведомым. «И кто-то осторожно стукнул в дверь — весь ужас правды понял я теперь!»¹ Для былички характерен момент внезапного осознания, обличения демона, явившегося во плоти. По хвосту и «спине корытом» признают змея-любовника, принявшего облик умершего мужа, а по копытам и рогам, вдруг мелькнувшим у случайного попутчика, — черта или лешего, заманивающего в трясины. Самое захватывающее в быличке — не столько факт встречи со сверхъестественным существом, сколько само ощущение опасного, потустороннего.

Сведения о персонажах народной демонологии транслируются в *мифологических рассказах* и часто включенных в их структуру *демонологических поверьях* — особых предписаниях, касающихся правильного обращения с мифологическими персонажами. Если мы взглянем на фольклорный текст, то увидим, что формула «До двенадцати часов в баню не ходят, а то обдерихи задерут. Ребенка не оставляют в бане одного, могут обменять» — это поверье, в то время как сам рассказ, описание конкретного случая подмены, следует далее: «Слыхала же, что обменивают. В Земцово дитя подменили. Двадцати годов его вихрь подхватил и унес на небо, обмененного-то...» [161. С. 117]. Некоторые персонажи могут встречаться в других фольклорных жанрах — сформированных под влиянием христианства *легендах*, в которых «отпадшая» сила ведет происхождение от сверженных с небес ангелов или спрятанных детей Евы, и *сказках*, если речь идет о глупом черте, но в сравнении с мифологическим сказочный образ претерпевает существенную трансформацию.

В нашей работе мы будем оперировать принятыми в русской фольклористике терминами *мифологический рассказ*, *быличка*, *бывальщина*. Так, исследовательница Э. В. Померанцева предложила разграничивать

¹ Лавкрафт Г. Ф. Вестник. Перевод Н. Л. Шошунова.

быличку — суеверный меморат, личное столкновение рассказчика с нечистой силой, и бывальщину — фабулат, устоявшийся и освоенный традицией сюжет, не требующий личного свидетельства и близкий в отдельных аспектах к сказке [194. С. 6].

От сказки мифологический рассказ отличается именно установкой на *достоверность повествования*. Подразумевается, что для рассказчика это некий объект реальности, и если в существование Кощея Бессмертного, Бабы-Яги и Змея Горыныча — персонажей сказочной традиции — взрослый человек верить не будет, то в чертей и ходячих покойников — очень даже, хоть и с оговоркой «раньше-то бывало, сейчас уж нет». Иногда рассказчик демонстративно отрицает веру в сверхъестественное, как герой былички: «Брехня это все. Ничего такого нет. Я, говорит, сам черт» [31. С. 149], но все же от греха подальше крестится, входя в баню.

Интересовать нас будут персонажи мифологических рассказов о встрече с нечистой силой. Согласно определению, сформулированному в рамках московской этнолингвистической школы, *мифологический персонаж* — это «совокупность релевантных, устойчиво повторяющихся в традиции признаков и функций, скрепленных именем» [125. С. 51]. Соответственно, именно фольклорной традицией обуславливается набор тех или иных функций и признаков, приписываемых персонажу, а также их сочетаемость. Для описания важны наименования персонажа, генезис, внешний облик и атрибуты, места обитания и время появления, функции демона, направленные на человека или характеризующие его самого, ряд мотивов, связанных с ним, и другие признаки.

Однако нередко связка *имя + функция* разрывается, и от персонажа остается одна лишь номинация — о какой-нибудь *хохле-мохре*, помимо того, что ей пугают детей, более ничего не известно [287. С. 522]. Либо некоторые персонажи, напротив, практически лишены субъектности и проявляются через функцию — *блудит, водит, пугает*. Рассказчик

может никак не называть персонажа, но слушатели все равно поймут, о ком идет речь, и без подсказки определяют встреченного в лесу мужика в шляпе и без бровей как лешего [122. С. 15].

Также необходимо учитывать общность отдельных функций разных персонажей: к примеру, функция *похищать ребенка* будет свойственна как для домовых духов, банника и домового, так и для духов природных локусов — лешего и водяного, не говоря уже о черте, чей образ вбирает в себя большинство функций других мифологических персонажей.

Мифологический персонаж — не статичный, законсервированный в традиции образ, это некая *совокупность вариантов*, а потому следует помнить о вариативности одного и того же образа в разных ареалах, его эволюции во времени [137]. Русская фольклорная традиция неоднородна, и в местах соприкосновения с соседними культурами может наблюдаться взаимовлияние, и потому севернорусская традиция, граничащая с финно-угорской, будет отличаться от южнорусской, соседствующей с украинской и белорусской традициями. Так, на Русском Севере русалка представляется страшной косматой женщиной, расчесывающей у воды волосы, а на юге России — молодой красавицей, умершей неестественной смертью и выходящей из воды на Русальную неделю. И, опять же, в позднем фольклоре мы можем наблюдать смешанный образ русалки, сформировавшийся под влиянием книжности и массмедиа — водяную деву с рыбьим хвостом.

Дьяволов много, всех «полуденных, полунощных, водяных и деревянных» не счесть, но попытаться стоит. В первых трех главах мы поговорим о духах жилых построек и природных локусов — тех, кто по ночам шуршит в избе и плещется в бане, и тех, кто подстерегает неосторожного путника в лесной чаще и у воды. Четвертая глава посвящена ходячим покойникам, встающим по смерти из гроба; пятая — обольстительным мифологическим любовникам; шестая — сложному, всеобъемлющему образу черта; седьмая — людям, обладающим демоническими свойствами,

и, наконец, восьмая — мифологизированным человеческим состояниям, болезням и смерти.

Со временем страхи никуда не делись, лишь видоизменились, порождая разнообразные мифологические нарративы, построенные по модели традиционных быличек. Насмотревшись передач про аномальные явления, современный человек начинает видеть в небесах светящиеся шары НЛО, а в лесу, где некогда бродил леший, — снежного человека. Функционально близки к быличкам и *детские страшилки*, позволяющие пережить приятное чувство страха перед иррациональным. Красные руки, гробы на колесах и прочие гротескные демоны, оживленные детским воображением, появятся в последней главе.

Итак, вообразим, что на дворе — ненастная осенняя ночь, в трубе свищет вечер, под окошком нечисть скребется, а вы сидите у печи и слушаете про то, как бабушка водяного видала и как колдуна черти таскали...

Глава I

В ночной избе, в черной бане Хозяева домовые, овинные, банные

Полночь. Мыши засвистели,
Глухо крякнул домовой...

Н. С. Гумилев. Леопард

Стучит, гремит Кикимора от утра до вечера,
свистит, шипит Кикимора со вечера до полуночи...

И. П. Сахаров. Сказания русского народа

Не черен, не зелен, но таков, каков я

В серых сумерках в избе страшно: в оконце месяца подглядывает, тихонько пошуривают мыши, а на чердаке кто-то скрипит и вздыхает. Вдруг — трам-тарарам! — шум, ерзанье... Загремит чулунками, вылезет из-под печки черный ком — кубарем покатится. Подумаешь: кошка! А кошки-то дома и нет... Скорей свечу зажигай, чтобы хозяина вспугнуть, он света боится — как-никак нежить.

В поздних этиологических легендах происхождение домового связывают с падшими ангелами, ставшими духами-хранителями локусов, или утаенными детьми Евы. Все, кого Адам с Евой постеснялись показать Богу, стали «силой темной: лесовыми по лесам, водяными по водам, домовыми по домам...» [83. С. 87]. Однако в архаических верованиях домовые духи или божества связаны с *культурой предков*, поскольку домовая ведет свой генезис от первого хозяина дома — это родовой дух, оберегающий потомков. Если при закладке дома не была принесена строительная жертва, то первый вошедший в новый дом вскоре умрет, после чего его душа станет мифологическим хозяином-покровителем [121. С. 124], именно поэтому в новый дом первыми пускают кошку или петуха¹.

Вместе с тем домовый — *тень* нынешнего хозяина, сверхъестественный двойник, показывающийся в его облике. «Он такой маленький мужичок, на хозяина похож» [59. С. 13] — каковы хозяин или хозяйка, таков

¹ Представления о духах локусов, ведущих происхождение от строительной жертвы, распространены у южных славян. Стоит только *измерить тень* человека и поместить мерку в основание постройки, как вскоре тот умрет и по смерти станет опасным духом, стерегущим место, к которому привязан. Таких духов называют *таласм* [126. С. 156].

